

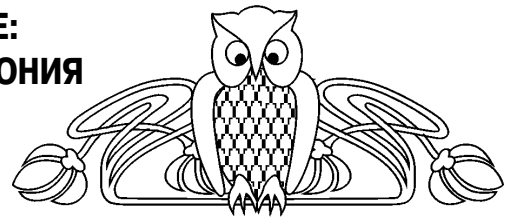
- ²³ *Китайгородская М., Розанова Н.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999. С. 166.
- ²⁴ *АиФ.* 2010. № 31. С. 2.
- ²⁵ *Коссович Л.Ю.* «На Госсовете РФ важно было достойно представить СГУ». URL: <http://www.sgu.ru/news> (дата обращения: 18.04.2011)
- ²⁶ См.: *Бобарыкина Н.* Общение в малой группе. Саратов, 2003 ; *Колтунова М.* Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М., 2005.
- ²⁷ *Лопатин В., Лопатина Л.* Указ. соч. С. 623.
- ²⁸ См.: *Харченко Е.* Указ. соч. С. 17.
- ²⁹ См.: *Кожина М., Дускаева Л., Салимовский В.* Указ. соч.
- ³⁰ См.: *Колесов В.* Указ. соч.
- ³¹ См.: *Китайгородская М., Розанова Н.* Указ. соч. С. 7.
- ³² См.: *Андреева С., Сорокина Т.* Специфика новых видов речевого общения в современном обществе // Предложение и Слово : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. С. 286.
- ³³ См.: *Леонтович О.* Компьютерный дискурс: языковая личность в виртуальном мире // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 195.
- ³⁴ *Чувакин А.* Кризис речевой коммуникации как проблема языковедения // Русский язык: исторические судьбы и современность : IV Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2010. С. 147–148.
- ³⁵ См.: *Коцей Л.* Кризисное сознание (попытка определения) // Аналитика сознания. Барнаул, 1998.
- ³⁶ *Чувакин А.* Указ. соч. С. 147–148.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ См.: *Китайгородская М., Розанова Н.* Указ. соч. С. 165 ; *Колокольцева Т.* Роль диалога и диалогичности в современном коммуникативном пространстве (на материале средств массовой информации) // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. С. 50–57.
- ³⁹ *АиФ.* 2010. № 39. С. 4.
- ⁴⁰ См.: *Трошина Н.* Культурный этноцентризм как проблема межкультурной деловой коммуникации // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 88–95.

УДК 821.111.09-3+929 Диккенс

ТИПЫ ИРОНИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ И КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ИРОНИЯ

О. Г. Петрова

Институт социального образования (филиал)
Российского государственного социального университета в г. Саратове
E-mail: 391658@mail.ru

В статье анализируются современные взгляды на соотношение стилистического и концептуального типов иронии в художественных системах писателей, выделяются основные свойства и признаки концептуальной иронии, а также показывается соотношение двух типов иронии с разными средствами их реализации – языковыми и экстралингвистическими.

Ключевые слова: стилистическая ирония, концептуальная ирония, мировоззрение и эстетика авторов, языковые и экстралингвистические формы реализации иронии.

Types of Irony in Fiction: Conceptual and Contextual Irony

O. G. Petrova

The article analyses modern views on the correlation of stylistic and conceptual types of irony in the writers' literary works, reveals the basic features and characteristics of conceptual irony, and also shows the correlation of the two types of irony with their different means of realization – linguistic and extra-linguistic.

Key words: conceptual irony, contextual irony, writers' world outlook and aesthetics, linguistic and extra-linguistic forms of irony realization.

Есть основания считать, что ирония играет исключительно важную роль в эстетической и

литературно-художественной системах произведения; в художественных текстах она относится к элементам, обладающим особым весом. Ирония, которая всегда является средством реализации субъективно-оценочной модальности, представляет собой художественную форму авторской оценочной позиции. Роли иронии, её месту в ткани художественного произведения посвящено много работ как чисто литературоведческого, так и литературоведческо-лингвистического плана (Myers, 1977; Simpson, 1979; Tanaka, 1973; Tener, 1979; Thompson, 1948 и др.). Ряд исследователей подчеркивают все возрастающую роль и значение иронии в современной художественной литературе, особенно англоязычной. Как утверждает Ч. Гликсберг, сейчас можно говорить о наличии особого иронического видения мира, свойственного современной литературе¹. Д. Мюкке обосновывает возникновение этого особого способа видения мира ходом развития европейской мысли, особенно возрастающим значением в ней скептицизма, релятивизма, либерализма и позитивизма². Таким образом, в литературном произведении ирония может иметь более широкий и значитель-

ный смысл – она придает художественному произведению особую окраску, своеобразно раскрывает неудовлетворенность автора окружающим миром. В этом случае ирония уже не просто оборот речи, а художественный принцип, из которого исходит писатель при изображении жизни. Д. Мюкке выразил это следующим образом: «Нас, человеческих существ, поместили в мир, полностью чуждый нам. Мы свободны, но в то же время ограничены земным существованием; мы хотим совершить побег от его неотъемлемых противоречий, и в то же время мы вовлечены в них. Это приводит к социальным и моральным конфликтам. Человек одновременно напористый и смиренный, одинокий и эгоистичный, любящий и нуждающийся в заботе. Человек имеет зверский характер, но часто испытывает нежнейшие эмоции. Невозможно быть героем без того, чтобы не быть негодяем в других обстоятельствах. Невозможно любить без ненависти, и даже в ненависти присутствует какой-то элемент любви. Человеческая религия также “иронична” в том смысле, что она привносит идею вечной, мирной и идеальной сферы, тем самым обостряя противоречия мирского существования, вместо счастья принося все больше боли и страдания»³. Нам представляется, что иронический взгляд на мир многих англоязычных писателей обусловлен стремлением отмежеваться от социальной действительности, противопоставить индивидуум, себя как личность реальным условиям и возвыситься над ними.

То, что любое высказывание может быть правильно интерпретировано лишь в целостном контексте, не вызывает сомнений. Б. А. Ларин рассматривал связь слова с художественным целым как основное свойство эстетического использования слова: «Ни на минуту нельзя упускать из виду эстетический объект, то есть помимо реального и логического содержания речи – весь ее психический эффект и главным образом именно обертоны смысла»⁴.

Приведем мнение Х. Вайнриха, которое, хоть и высказано относительно лингвистического анализа вообще, представляется особо применимым к анализу иронии: «При лингвистическом рассмотрении очень важно связать явление с контекстом, либо ситуационным, либо языковым, либо метаязыковым. Изоляция представляет собой пограничный случай»⁵. Что касается иронического смысла, то его воплощение неразрывно связано со способностью языковых единиц обретать в процессе реализации коннотативные и ассоциативные значения. А на уровне высказывания к формированию иронического смысла присоединяется еще один важный фактор, хорошо сформулированный Г. В. Колшанским: «Любое высказывание имеет содержание, отражающее какие-либо фрагменты действительности. Это, так сказать, субстанциональный (онтологический) смысл высказывания. Однако высказывание всегда помещается в рамки какого-либо коммуникативного

акта, где субстанциональный смысл высказывания вступает в определенные отношения со смыслами окружающих высказываний и получает свою реляционную характеристику. Любое высказывание обращено как бы в две стороны: к отображаемым фактам и к смыслам других высказываний»⁶.

Второй аспект формирования иронического смысла, находясь в тесной связи с первым, касается коммуникативной направленности высказывания. Зависимость структуры высказывания, места в ней той или иной языковой единицы от цели коммуникации на данной стадии исследования представляется несомненной. Письменный текст всегда прагматичен, хотя не всегда прямолинейно и непосредственно раскрывает свою целенаправленность. Ирония же в тексте чаще всего планируется автором, актуализируется в соответствии с заранее обдуманном планом, поэтому и выявляет тесную зависимость от способа организации текста: «...ирония руководствуется общей темой, развивая каждый отдельный её момент»⁷. Поскольку коммуникация не существует вне контекста, логичен вывод Г. В. Колшанского о том, что «контекст предопределяет вместе со смысловой установкой, или, другими словами, коммуникативным заданием, всю смысловую структуру высказывания»⁸. Таким образом, реализация иронического смысла происходит по следующей схеме: интенция автора (замысел создания иронического текста) – конструирование определенного контекста в соответствии с объективными нормами, действующими на уровне сознания и на уровне языка, – текст (от предложения и выше), компонентом смысловой структуры которого является ирония. Здесь следует подчеркнуть, что при создании иронического текста речь идет не о случайном внесении контекстом дополнительного (в данном случае переносного) значения лексической единицы, а именно о соответствующем конструировании контекста, которое состоит в сознательном выборе тех значений языковых единиц и такой их комбинации, которые воплощали бы иронический смысл, тем самым отражая определенный аспект действительности и его восприятие автором. В. В. Виноградов справедливо заметил: «Состав речевых средств в структуре литературного произведения органически связан с его “содержанием” и зависит от характера отношения к нему со стороны автора»⁹. В этом случае соответствующим образом организованный контекст вместе с коммуникативным заданием определяет ироническую смысловую структуру текста.

Поворот в трактовке иронии как сложного явления культуры, философско-эстетической категории, которая служит раскрытию ценностного смысла предметов и явлений окружающего мира, позволил рассматривать ее как форму комического, как способ мировосприятия. Такой широкий подход к пониманию иронии привел лингвистов к необходимости более глубокого изучения ее как

эстетической категории в стилистике и лингвистике текста, так как при рассмотрении иронии только как стилистического приема исследование ограничивается изучением языковых единиц в частном, контекстном проявлении. При этом мировоззренческий аспект иронии выпадает из поля зрения филолога. Определение же ее как элемента мировоззрения автора предполагает выход на более высокий уровень анализа текста, позволяющий рассматривать ее как текстовую категорию, индуцирующую в тексте имплицитные смыслы, которые связаны со способностью личности (автора) оценивать явления действительности. Именно такое понимание иронии можно найти в трудах С. Походни (1988), А. Сергиенко (1995), Ж. Фомичевой (1992), Ю. В. Каменской (2001), О. Ермаковой (2005).

Изучение иронии на текстовом уровне удалось осуществить С. И. Походни. Благодаря привлечению к анализу иронии таких текстовых категорий, как когезия, ретроспекция, проспекция, подтекст, модальность, стало возможным исследование сложных форм иронии (ассоциативной с её подвидом – цитационной). Выводы о существовании сложных текстовых форм иронии, а также о весомой роли текстовых средств в её реализации и особом месте иронии в идейно-образной структуре текста обусловили введение С. И. Походней в научный обиход в 1984 г. термина «иронический смысл». Этот термин дает возможность включить в область исследования текст и широко пользоваться им при исследовании текстовых форм иронии. Собственно, обозначение «смысл» понятно и применимо как к предложению, так и к единицам большим, чем предложение. «Иронический смысл – смысл такого предложения, высказывания, СФЕ, предикативно-релятивного комплекса, текста в целом, в котором субъективно-оценочная модальность отрицательного характера содержится в подтексте и находится в отношениях противоречия, противопоставления с поверхностно выраженным содержанием, которое, в свою очередь, создается несоответствием традиционно и ситуативно обозначающего (узуального и окказионального, прямого и переносного значений языковых единиц)»¹⁰. Создание иронического смысла обусловлено интенцией автора выразить свое отношение к действительности косвенным, опосредованным путем, то есть сказать что-то, фактически формально этого не говоря – иными словами, стремлением скрыть модальность высказывания.

Введение термина дало возможность С. И. Походне классифицировать иронию на два типа по новому принципу – в зависимости от условий и способов её реализации. Каждый тип реализуется в специфически организованных контекстах, параметры которых можно достаточно четко определить. Оба типа по-разному реализуют коммуникативное задание, а значит, и создают несколько отличающиеся друг от друга струк-

туры текстов, занимая тем самым разные места в идейно-образной структуре произведения. По этому принципу иронию можно разделить на ситуативную и ассоциативную. «Ситуативная ирония – явный, эмоционально-окрашенный тип иронии; это ирония, которая осознается немедленно. Контраст между ситуативным контекстом и прямым значением (смыслом) слова, словосочетания (предложения) сразу же порождает значение (смысл), противоположное прямому»¹¹. Реализуется этот тип иронии в микро- и макроконтекстах. Для его актуализации используются средства лексического (слово, словосочетание), а также синтаксического уровня (обособленные синтаксические конструкции, транспозиция синтаксических конструкций). При помощи средств этих двух уровней конструируется относительно простой контекст, имеющий двухчастную структуру: изложение ситуации (частью предложения, абзаца) и комментирование, оценка её автором или персонажем. Оба элемента структуры располагаются всегда контактно. Ситуативная ирония служит созданию ярких деталей, моментальных зарисовок в системе художественного произведения. Как правило, этот тип иронии зависит лишь от линейного контекста, который редко превышает рамки абзаца.

Значительно сложнее по способу и условиям реализации, а также весомее по месту в системе художественного произведения ассоциативная ирония. «Это скрытый, тонкий тип иронии; реализация переносных значений в этом случае происходит постепенно, новые значения возникают градуально. Градуальное приращение новых значений требует больших контекстов, поэтому ассоциативная ирония реализуется чаще всего в мегаконтексте (в рамках нескольких СФЕ, всего рассказа, повести и т. д.). При ассоциативной иронии организуются структурно сложные контексты с контактным и дистантным расположением значимых элементов. Используя средства разных языковых уровней (от лексического до текстового), действуя на протяжении развертывания всего текста, **ассоциативная ирония служит действенным средством создания образов произведения, выражения авторской характеристики персонажей и его собственного мировоззрения** (выделено нами: *О. П.*). Роль её в создании целостной системы произведения значительно больше, нежели роль ситуативной иронии»¹².

Сделанные автором важные выводы о наличии в художественном тексте ассоциативной иронии, действующей на протяжении развертывания всего текста, согласуются, на наш взгляд, с мнением Д. Мюкке о существовании «лейтмотивной иронии», актуализирующейся на протяжении всего художественного произведения и служащей выражением каких-либо идеи, явления, отражаемых данным произведением¹³.

Рассмотрение иронии как контекстуально обусловленного явления находим в рабо-

те Ж. Е. Фомичевой. Автор пишет: «Специфика иронии как вида комического, формы познания и отражения действительности обусловлена её субъективной природой. Ирония, основывающаяся на отношении субъекта, в отличие от других категорий комического не обладает собственным предметом, а способна избирать любой предмет и явление. Таким образом, основой иронии является рефлектирующее сознание личности, благодаря чему любое явление может быть поставлено под сомнение, осмыслено с противоположных сторон и оценено субъектом иронии. Формальное своеобразие иронии определяет возникновение контраста, противоречия между прямым, буквальным смыслом высказываемого и контекстом, в котором помещается высказывание»¹⁴.

В работе А. В. Сергиенко ирония рассматривается как один из способов выражения имплицитного смысла высказывания в структуре целостного текста. «Смысловая неоднозначность текста с иронической направленностью имеет ту особенность, что она создается автором преднамеренно, с целью вызвать определенный стилистический эффект. Кроме того, являясь формой оценочного, критического и эмоционального освоения действительности, **ирония обнаруживает тесную зависимость от творческой позиции автора, его мировоззрения**»¹⁵ (выделено нами. – О. П.). В своем исследовании автор приходит к выводу, что «ирония играет активную роль в организации содержательно-смыслового аспекта текста; свойства этого вида импликации как одного из слагаемых интегрального смысла проявляются в том, что смысл каждой интегрируемой части служит выявлению семантического целого произведения, созданию образа содержания как способа осмысления действительности»¹⁶. Также автором был сделан вывод о том, что ирония заслуживает статуса особой категории текста и полноправной формы комического наряду с юмором и сатирой, а не их вторичной формы (сравните с работами Г. Н. Пospelова).

Роль иронии в идиостилевой системе писателя как отражение его видения мира явилась объектом исследования Ю. В. Каменской. Автор рассматривает специфику функционирования двух типов иронии – контекстуальной и текстообразующей – в художественной системе А. П. Чехова и его эпистолярном наследии. В результате работы сделаны следующие выводы: «Ирония в художественном тексте может существовать в виде двух разновидностей, реализуясь в качестве стилистического приема или проявляясь на текстовом уровне; оба типа иронии имеют свои средства реализации и выполняют в художественном тексте специфические функции»¹⁷.

В работе М. Ю. Орлова ирония рассматривается как текстообразующая категория¹⁸. «**Иронии можно рассматривать как одну из фундаментальных особенностей художественного языка XX века, поскольку иронический принцип, понятый как принцип дистанцирования от непо-**

средственно высказанного, принцип неуверенности в возможности прямого высказывания является конститутивной чертой мышления XX века (выделено нами. – О. П.). В последние два десятилетия XX века ирония становится основной стилиевой доминантой в литературе, что, безусловно, связано и с новым общественным сломом на рубеже веков, и с распространением поэтики постмодернизма в мировой и отечественной культуре. Несомненно, ирония способна выступать как важнейшая категория организации текста. Под текстообразующей функцией иронии понимается её способность быть связующим, конструктивным элементом семантико-смыслового пространства и формальной организации текста. Речь идет об иронии в широком смысле, как о творческом принципе, организующем текст как целое»¹⁹. На наш взгляд, идеи автора рассматривать иронию как текстообразующую категорию, способную быть организующим элементом текста, перекликаются с теорией С. И. Походни о существовании ассоциативной иронии, служащей выражением авторского мировоззрения и средством создания целостной системы текста.

Таким образом, стала очевидной необходимость разграничения двух понятий: иронии как средства техники, стилистического приема, и иронии как результата – иронического смысла, созданного рядом равноуровневых средств языка, взаимодействии которых обеспечивает содержательное единство текста. «Признание существования в тексте двух типов иронии делает возможным более глубокий уровень анализа текстового материала, так как по мере усложнения плана выражения смысловые оттенки становятся разнообразнее, а их понимание обеспечивается неизменным наличием контекстов большого масштаба. Это скрытый тип иронии, для которого характерно градуальное приращение имплицитной информации. **Ирония такого типа является частью идиостиля автора, компонентом его мировоззренческой позиции**»²⁰ (выделено нами. – О. П.).

Итак, рассмотренные нами работы дают основание выделить два типа иронии – иронию стилистическую, троп, и иронию концептуальную (термин наш. – О. П., сравните с терминами «ассоциативная», «лейтмотивная», «текстообразующая»), описанная как философская жизненная позиция, содержательная категория, связанная с мировоззрением и эстетикой авторов (йенская школа романтиков), взгляд на действительность (Т. Манн), мировоззренческая позиция и способ мышления (лингвисты XX в.) и эмоционально-ценностное отношение к действительности (Пивоев, 2000). Все многочисленные свойства и признаки концептуальной иронии (КИ) можно свести к нескольким, наиболее полно отражающим сущность этого явления:

во-первых, будучи эстетической категорией, способом мышления, КИ является авторской концепцией, идеей всего текста;

во-вторых, влияет на способ организации целостной системы произведения, смысл каждой части которого служит выявлению смысла целого произведения;

в-третьих, будучи художественным принципом писателя, КИ действует на уровне сознания и языка, то есть затрагивает уровень и языковой, и экстралингвистический.

Выделенные нами два типа иронии соотносятся с разными средствами их реализации – языковыми и экстралингвистическими. Если стилистическая ирония реализуется только языковыми средствами, то концептуальная как обобщающая, интегральная – преимущественно экстралингвистическими. Данная дифференциация средств выражения иронии коррелирует с принятой в современной эффективно развивающейся науке – коммуникативной стилистике – дихотомией лингвистических/экстралингвистических средств выражения так называемых *регулятивов*, в основу выделения которых положено осознание адресатом мотива (микроцели) в рамках общей коммуникативной стратегии текста²¹. Регулятивы рассматриваются исследователями как «порождение конкретной текстовой системы, отражающей авторское мировоззрение, его творческий замысел»²². К лингвистическим средствам выражения регулятивов относят «ритмико-звуковые, лексические, морфологические, словообразовательные, синтаксические», то есть средства всех уровней языка, к экстралингвистическим – «композиционные, логические, графические»²³. Специфика иронии как компонента идиостиля писателей также проявляется в разной активности языковых средств выражения в пределах стилистической иронии и в экстралингвистических формах реализации иронии концептуальной. Сам же состав средств воплощения иронии соотносим с выделенными исследователями (Н. С. Болотновой и др.) двумя способами проявления регулятивов, хотя полностью он и не совпадает с ними.

К. Э. Штайн также говорит о единстве языкового и неязыкового в тексте как о непрерывном условии эстетической, художественной его значимости. Исследователь видит текст, состоящий, кроме языкового слоя, из неязыковых – «интенциональные предметы, виды, картины, которые возникают в сознании в процессе чтения поэтического текста и объективно им структурированы»²⁴. Эти неязыковые слои «неотделимы от той или иной языковой структуры произведения, но составляют иной, качественно новый – неязыковой слой поэтического текста, который формируется за счет интенциональных объектов. Языковой слой, и в первую очередь лексические значения слов, входящих в текст, активизируют в сознании некоторые “виды”, “сцены”, “картины”, проходящие перед “умственным взором” в процессе прочтения произведения. Чувственные впечатления от материальных предметов определенным образом структурируются и “встраиваются” в

текст, в результате чего образуются неязыковые слои, активизированные языковыми»²⁵. Как видим, представление исследователя о неязыковом слое текста соотносится с нашим представлением о концептуальной иронии, которая также воспринимается читателем в процессе чтения произведения в качестве результата определенного построения текста.

И. Б. Шатуновский среди прочих многочисленных типов иронии выделяет авторскую метаиронию²⁶. «В случае метаиронии высказывание-стимул и ироническое высказывание накладываются друг на друга, совмещаются в одном высказывании (или ряде высказываний). Повествование строится таким образом, что речь непосредственно говорящего героя художественного произведения не является иронической, он говорит то, что он говорит, не иронически, серьезно, с его точки зрения это истинно и нормально, однако высказывание (высказывания), вкладываемое автором в его уста, и ситуация, и контекст строятся автором таким образом, чтобы была ясна “неистинность”, аномальность в том или ином отношении этого высказывания (с точки зрения автора и присоединившихся к нему читателей). Столкновение этих разноуровневых противоположных оценок и является здесь источником иронического эффекта»²⁷. Данный тип иронии соотносится с авторской концептуальной иронией, которая строится посредством подтекста. Это также подтверждает нашу мысль о том, что такая ирония является текстообразующим компонентом художественного произведения: «... в ряде случаев такой способ иронизирования становится конструктивной основой повествования: автором конструируется образ повествователя, которому непосредственно принадлежит текст произведения; за этим образом на более высоком уровне “просвечивает” образ автора, которому в конечном итоге принадлежит весь текст вместе с созданным им образом повествователя; высказывания повествователя (+ ситуация, контекст) строятся таким образом, что то, что повествователь говорит серьезно (и для него это “истинно”), автор оценивает иронически (с точки зрения автора, это ложно); каждое такое высказывание становится одновременно стимулом для иронии (тем, что высмеивается) и одновременно самим ироническим высказыванием»²⁸ (ср.: Кукольник в «Ярмарке тщеславия» У. М. Теккерея и рассказчик в произведениях Н. В. Гоголя).

Примечания

- 1 См.: Glicksberg Ch. The ironic vision in modern literature. The Hague: Nijhoff, 1969. P. 206.
- 2 См.: Muecke D. The Compass of Irony. L., 1969. P. 196.
- 3 Ibid.

- 4 Ларин Б. О разновидностях художественной речи. Семантические этюды // Русская речь. Вып. 1. Петербург, 1923. С. 19.
- 5 Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 375.
- 6 Колианский Г. Контекстная семантика. М., 1980. С. 115.
- 7 Turner G. Stylistics. Harmondsworth, 1975. P. 146.
- 8 Колианский Г. Указ. соч. С. 115.
- 9 Виноградов В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 203.
- 10 Походня С. Языковые средства и виды реализации иронии. Киев, 1989. С. 97.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Miescke D. Op. cit.
- 14 Фомичева Ж. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. С. 15.
- 15 Сергиенко А. Языковые возможности реализации иронии как разновидности импликации в художественных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1995. С. 11.
- 16 Там же.
- 17 Каменская Ю. Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001. С. 74.
- 18 Орлов М. Текстоброобразующая ирония в русской и англоязычной прозе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. С. 5.
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 См.: Болотнова Н. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-гезаурус. Томск, 2008. С. 289.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Штайн К. Гармония поэтического текста. Ставрополь, 2006. С. 578.
- 25 Там же.
- 26 Шатуновский И. Ирония и ее виды // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007. С. 349.
- 27 Там же.
- 28 Там же.

УДК 821.161.109-3+929Шмелев

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГРЕЦИЗМА ПРАВОСЛАВНОГО ДИСКУРСА ЛАМПАДА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале творчества И. С. Шмелёва)

Е. И. Лучина

Саратовский государственный университет
E-mail: luchinae@mail.ru

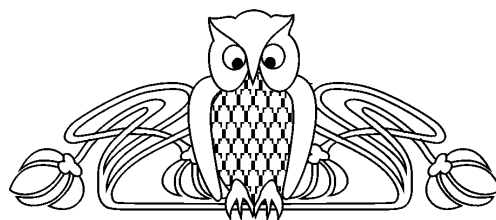
Статья посвящена концептуализации грецизмов православного дискурса в художественном тексте. На материале романа «Лето Господне» и повести «Богомолье» И. С. Шмелёва проведено поуровневое исследование концепта *лампада*. При анализе концепта выделяются предметно-понятийный, образно-символический и ценностно-оценочный уровни, особенности которых связаны с культурными и религиозными традициями, а также обусловлены жанровой спецификой данных произведений писателя.

Ключевые слова: лексические грецизмы, дискурс, идиостиль, концептуализация.

Conceptualization of a Greek Orthodox Discourse Loan-Word Lampade in Fiction (on the Works of I. S. Shmelyov)

Ye. I. Luchina

The article is focused on the conceptualization of Greek loan-words from the Orthodox discourse in literature. On the material of a novel and a story by I. Shmelyov we have analyzed the layer structure of the concept *lampade*. It is possible to distinguish objective-notional, imagery-symbolic, and evaluative levels of the concept. Their distinctive features are related to the cultural and religious

traditions, and are also predetermined by the genre characteristics of the author's works.

Key words: Greek loan-words, discourse, idiostyle, linguistic conceptualization.

Одним из самых частотных в текстах И. С. Шмелёва оказывается грецизм *лампада*: при анализе романа «Лето Господне» и повести «Богомолье» всего зафиксировано более 80 его словоупотреблений. На наш взгляд, такая относительно высокая частотность позволяет говорить о принадлежности данной лексемы к основополагающим для идиостиля писателя, воплощающим в себе концепты и отражающим, таким образом, индивидуально-авторскую модель мира.

По данным словарей, письменное заимствование *лампада* через старославянский восходит к среднегреческому *λάμπα* (светильник) от древнегреческого слова с более широким значением: «1) факел; 2) *перен.* светоч, светило; 3) лампада»¹. В современном русском языке данный грецизм обозначает масляный светильник, который зажигается перед иконами и на престоле у православных и католиков. Кроме прямого словаря фиксируют переносное значение этого и родственного ему заимствования *лампа* – «пламень души» и даже символическое: «огонь как присутствие на земле Духа Божия»².